

ВЯЧЕСЛАВ ДАШИЧЕВ

Модель общественного развития для России

Сегодня нельзя сказать, что Россия уже нашла свое «место под солнцем» и определилась в выборе своей социально-политической и экономической системы. За прошедшие 20 лет наш народ сполна испытал внезапно свалившиеся на него «прелести» новоявленного капитализма. Настало время задуматься о том, что же нужно сделать, чтобы избавить Россию от худшего, каков должен быть ее путь в будущее. Ответить на эти вопросы невозможно, не опираясь на социальную теорию.

В этом контексте понятен повышенный интерес, проявляемый ныне к теории конвергенции общественных систем, ориентированной на синтез лучших, жизнеутверждающих черт социализма и капитализма. Эта проблема активно ставится и на Западе. Так, например, в связи с 20-летием объединения Германии в немецкой прессе в октябре 2010 года проводились интересные сравнения капитализма и государственного социализма в двух германских государствах, их положительных и отрицательных черт. Констатировалось, что, несмотря на прошедшие годы, в головах многих восточных и западных немцев все еще остается разделительная стена при духовном восприятии социаль-

но-политических реальностей. Влиятельная немецкая газета «Frankfurter Allgemeine» писала в связи с этим: «Хотя двадцать лет тому назад немцы ГДР пережили крах советской мировой империи, все же победа капитализма не была столь полной, чтобы конкуренция двух систем исчезла раз и навсегда. Борьба между идеалами свободы и равенства продолжается. *Но она ведется теперь не между Востоком и Западом, а внутри нашего общества* (курсив мой — В.Д.)»¹.

Это очень интересная и справедливая констатация. Ее с полным основанием можно отнести и к нынешнему российскому обществу. Но речь здесь идет не об историческом споре между капитализмом и тоталитарным социализмом сталинского образца, а о совершенно новой социальной модели демократического социализма, которая могла бы возникнуть в Советском Союзе и других странах в ходе перестройки, если бы не первый на советском пространстве «оранжевый» государственный переворот, совершенный кланом Ельцина и стоявшими за ним внешними силами. Переворот оборвал социалистическую реформу, с таким энтузиаз-

¹ «Frankfurter Allgemeine». 02.10.2010. S. 1.

мом принятую народом и сулившую стране грандиозные перспективы, и привел к реставрации капиталистической системы.

Исторический спор между идеями социализма и капитализма широко представлен ныне в политических исследованиях и в народных движениях многих стран. Поразительно, что он затронул даже общественную мысль цитадели капитализма — США. Например, американский политолог, преподаватель Оксфордского университета Джеральд Коэн опубликовал в США в 2009 году труд под знаменательным названием «Социализм — а почему бы и нет?»². Свой труд он закончил словами: «Я согласен с Альбертом Эйнштейном, сказавшим, что социализм — это попытка человечества “преодолеть грабительскую фазу человеческого развития”, то есть капитализм. Эти идеи Эйнштейн изложил в своей статье “Почему социализм?”, напечатанной в мае 1949 года в американском журнале “Monthly Review”»³. Дж. Коэн считает, что, хотя попытки утвердить социализм в Советском Союзе не привели к желаемому успеху, было бы неправильно отречься от осуществления социалистических идей.

Об интересе общественности России к вопросу о том, какой путь развития в наибольшей степени отвечает ее национальным интересам, свидетельствуют многочисленные публикации. В качестве примера можно привести коллективный труд⁴, изданный от имени Международного сообщества писательских союзов стран СНГ, Ассоциации по комплексному изучению русской нации, Российского философского общества РАН, фило-

софского факультета МГУ и других научных и общественных организаций. Лейтмотив книги определяют слова составителя труда — академика Е. Троицкого: «Для России оптимальной формой государственного устройства могла бы стать российская социалистическая демократия, основанная на многообразии видов собственности и на национальной, патриотической власти»⁵. Он ссылается на «целительный опыт китайского, шведского, индийского, белорусского социализмов».

Переход Китая в 1978 году к постепенным, эволюционным преобразованиям экономики страны с использованием принципов социального рыночного хозяйства явился событием мирового значения. Сохранение сильной регулирующей роли государства обеспечило успех реформ и стабильный рост народного хозяйства без социально-политических потрясений и экономического ущерба для населения. Китайский опыт продемонстрировал громадные преимущества использования теории конвергенции в реформировании экономики социализма. Стабильное и мощное развитие народного хозяйства создало необходимые предпосылки для грядущих демократических преобразований политической системы.

Проводя реформы, Китай сумел удержаться на социалистическом пути с китайской спецификой, достиг впечатляющих успехов в своем развитии и стал успешным и грозным конкурентом цитадели капитализма — Соединенных Штатов. Следовательно, распад Советского Союза отнюдь не означает, что социалистические идеи потерпели поражение в соревновании с капитализмом, как об этом не устают твердить в США и в

² См. G. A. Cohen. Why Not Socialism? Princeton, 2009.

³ См. «Экономическая и философская газета». 2010. № 21—22.

⁴ См. «Национальные концепции социализма и судьбы России». Сост. Е. С. Троицкий. М., 2004.

⁵ Там же. С. 36.

либеральных кругах России. Эти идеи продолжают развиваться в ином, более сложном качестве и разнообразии, охватывая все новые регионы, например в Латинской Америке или Индокитае. Неоспоримой влиятельной силой они остаются и в странах Европы.

Консервативные круги советского руководства отвергали теорию конвергенции. Они ошибочно считали, что всеобщим и единственным эталоном являлась общественная система, установленная в сталинские времена в Советском Союзе. Каждое отклонение от нее рассматривалось как ренегатство и было наказуемо, даже с помощью военной силы — как это произошло при подавлении «Пражской весны». Теория конвергенции воспринималась как буржуазная, «провозглашающая, что социалистическое и капиталистическое общества якобы развиваются по пути сближения, приобретения общих или сходных признаков и слияния в некое новое единое общество, наследующее некоторые черты того и другого»; считалось, что «теория конвергенции носит антимарксистский, антикоммунистический характер»⁶. Такой подход объясняет, почему в период перестройки широкое распространение получили дезориентирующие теоретические постулаты: «либо капитализм, либо социализм», «третьего не дано», «нельзя быть немножко беременной». Это мешало выработке ясной концепции движения вперед, по пути создания в Советском Союзе более совершенной, справедливой и эффективной модели современного общества.

Тем не менее уже в самом начале становления мировой социалистической системы теория конвергенции привлекла внимание научных,

политических и общественных кругов многих стран. В конце 1940-х годов возник идеологический и политический конфликт между руководством Югославии и Советского Союза. И. Броз Тито оказался волевым государственным деятелем, отстоявшим, вопреки массированному нажиму Москвы, югославский путь развития, включавший элементы конвергенции. Опыт самоуправляющегося социализма доказал во многих отношениях свои существенные преимущества. Уровень и качество жизни в Югославии были выше, чем в Греции, Турции, Португалии и Испании и даже чем в Советском Союзе.

Советское руководство всячески подавляло реформаторские движения в социалистических странах. В 1950—1960-х годах за обновление социализма выступили видные теоретики, политологи и общественные деятели ГДР. В стране тогда развернулось довольно сильное реформаторское движение за создание «демократического социализма», основанного на теории «третьего пути». Один из его видных представителей, Вольфганг Харих, еще в 1956 году разработал платформу демократического социалистического реформирования ГДР и создания в сотрудничестве с социал-демократами предпосылок для объединения Германии. За свои идеи он был исключен из СЕПГ и приговорен к десяти годам тюремного заключения⁷.

В 1962 году тогдашний председатель Госплана ГДР Эрих Апель в содружестве с учеными разработал Новую экономическую систему государственного планирования и управления (NÖSPL). Целью создания этой системы было, по словам ее ду-

⁶ «Словарь иностранных слов». М., 1988. С. 243.

⁷ См. «Ein Streiter für Deutschland. Auseinandersetzung mit Wolfgang Harich». S. Prokop (Hrsg.). Berlin, 1996.

ховного отца — профессора Герберта Вольфа, «преобразовать преимущественно административную систему в преимущественно экономическую, ориентированную на рыночные отношения и рентабельность, достигаемую посредством стимулирования материальной заинтересованности в эффективности производства»⁸. При этом сохранялась сильная регулирующая и направляющая роль государства. Появлению этой программы реформ во многом способствовала хрущевская «оттепель». Сильное влияние на нее оказали идеи ордолиберализма — теории «хозяйственного порядка», разработанной Фрейбургской школой немецких экономистов под руководством Мюллер-Армака с использованием идей конвергенции. Министр экономики ФРГ Эрхард применил ее на практике и добился «экономического чуда» в стране.

Значительную роль в реформаторском движении в ГДР сыграли такие видные ученые и государственные деятели, как Герман фон Берг, Вольфганг Зайферт, Роберт Хавеман, Ганс Баро, Вольф Бирман и др.⁹ 9 января 1978 года фон Берг опубликовал в западногерманском журнале «Der Spiegel» «Манифест демократических коммунистов», в котором была изложена широкая программа реформ политической и экономической систем ГДР и принципов отношений между социалистическими странами. Он рассматривал советский «реальный

социализм» как «псевдосоциалистическую государственную систему», не способную выжить в соревновании с капиталистическими странами. В его представлении спасти Советский Союз могли только коренные реформы советского строя в плане его демократизации, повышения его экономической и социальной эффективности, решительного отказа от мессианского гегемонизма, «шовинизма великой державы» и от навязывания окружающему миру, особенно центрально- и восточноевропейским странам, подобия советского строя. В противном случае, по прогнозам Берга, оказавшимся, к сожалению, верными, СССР ждет неминуемый распад в ближайшие десять лет.

Идейно Берг был близок к политической философии лидеров западноевропейского коммунизма — Карильо, Берлингуэру и Марше. По его мнению, социализм в XX веке нельзя строить, опираясь только на учение Маркса и Энгельса, возникшее в середине XIX века. «Мы, — писал он в «Манифесте», — не верим в бога Маркса, Иисуса Энгельса или в святой дух Ленина, в фатальные закономерности истории, но мы ценим классиков марксизма-ленинизма как важное звено в длинной идейной цепи, начиная от Мора и Кампанеллы через французских, английских и немецких утопистов, через эпоху Просвещения и классики до Бебеля, Розы Люксембург и Карла Либкнехта, представлявших в своих философских позициях, запрещенных к публикации в ГДР, однозначно плюралистический коммунизм, и кончая Блохом, Харихом, Хавеманом и Баро»¹⁰.

Реформаторов ГДР объединяло стремление к воссоединению Германии. Добиться этого они надеялись на основе теории конвергенции и

⁸ Цит. по: G. Schürer. Statement zur Internationalen Forschertagung an der Europäischen Akademie in Otzenhausen, am 20.11.1998. S. 3.

⁹ См.: H. von Berg, F. Loeser, W. Seiffert. Die DDR auf dem Weg in das Jahr 2000. Politik, Ökonomie, Ideologie. Plädoyer für eine demokratische Erneuerung. Köln, 1987; H. Knabe. Aufbruch in eine neue DDR. Hamburg, 1989; H. von Berg. Marxismus-Leninismus. Das Elend der halb deutschen halb russischen Ideologie. Köln, 1987; S. Wenzel. Was war die DDR wert? Und wo ist dieser Wert geblieben. Versuch einer Abschlußbilanz. Berlin, 2000.

¹⁰ См. «Der Spiegel». 09.01.1978.

«третьего пути» развития. Ярким сторонником этой теории был Хавеман. Он верил в возможность сближения социально-экономических и политических систем двух германских государств, полагая, что ГДР — это «лучшая Германия», в большей мере, чем ФРГ, отвечавшая социальным идеалам человечества, поскольку в ней «была отменена частная собственность на средства производства». Он считал себя «демократическим социалистом». Свои идеи об эволюционном объединении Германии путем постепенного сближения их социально-экономических и политических структур он изложил в «Открытом письме Председателю Верховного Совета СССР Леониду Брежневу», отправленном осенью 1981 года и вызвавшем широкий отклик среди общественности ГДР и ФРГ. К сожалению, Хавемана постигла та же участь, что и Хариха, Берга, Зайферта и других реформаторов. Всех их исключили из партии и вынудили покинуть ГДР¹¹.

Советское руководство наложило гриф «секретно» на все манифесты и меморандумы реформаторов ГДР. О них была осведомлена лишь узкая группа руководящего состава партии и государства. Широкая общественность Советского Союза ничего о них не знала. В СМИ их полностью замалчивали. А ведь в этих документах были вскрыты серьезные пороки советской системы, которые необходимо было срочно устранять. Следует также учесть, что под воздействием реформ в ГДР в середине 1960-х годов и советский премьер-министр А. Н. Косыгин в свое время предпринял попытку реформирования советской экономики. Но тогда брежневское руководство выступило категорически против

каких-либо преобразований. Точно так же с приходом к власти Хонеккера были свернуты и реформы Эриха Апеля. В отчаянии он покончил жизнь самоубийством.

В результате ГДР продолжала двигаться по наезженной колее государственно-бюрократического социализма. Эгон Кренц, сменивший Хонеккера на посту генсека СЕПГ, в разговоре с М. Горбачевым 1 ноября 1989 года признал, что экономика ГДР находится в глубоком кризисе и не в состоянии обеспечить нормальные социальные условия жизни для граждан, что ведет к политической напряженности в стране¹². Запрет руководства Хонеккера, наложенный на проведение реформ, явился одной из главных причин падения ГДР.

В 1970—1980-е годы, несмотря на противодействие Москвы, ширилось реформаторское движение в социалистических странах. Параллельно возник феномен «западноевропейского коммунизма», отстаивавшего иные социальные, политические и экономические ценности, чем советская партийная элита. Эти ценности явно вытекали из теории конвергенции. В 1968 году реформы — даже более радикальные, чем в ГДР, — начали Венгрия и Чехословакия. На их пути непреодолимым барьером встала «доктрина ограниченного суверенитета» социалистических стран, взятая на вооружение советской внешней политикой при Брежневе. Подавление «Пражской весны» явилось громадной трагедией для социализма и для самого Советского Союза. Высшие советские руководители испытывали тогда аллергическую неприязнь к здравому смыслу и всякого рода планам социальных реформ. Они не желали ни на йоту поступиться своей сверх-

¹¹ См. A. Gallus. Von Heinemann bis Havemann. Dritte Wege in Zeiten des Kalten Krieges. — «Deutschland Archiv». 2007. № 3.

¹² См. «Михаил Горбачев и германский вопрос». М., 2006. С. 237—238.

централизованной властью, прикрываясь укоренившимся догматическим положением, будто социалистическая система может основываться только на монопольном господстве одной партии. На самом деле социалистическое общество может быть в не меньшей степени плюралистическим, многопартийным, чем капиталистическое.

Коренное преобразование социально-политической и экономической системы страны в демократический социализм с «человеческим лицом» на основе теории конвергенции было, пожалуй, наиболее приемлемым и органичным путем для Советского Союза. Он соответствовал особенностям ее исторического развития, менталитету и даже идеализму русского народа. Для решения этой исторической задачи страна обладала всеми необходимыми материальными и духовными предпосылками — мощным производственным потенциалом, громадными природными богатствами, талантливыми интеллектуальными силами, высокой образованностью населения, надежным военным щитом. Но перестройку так и не удалось завершить до конца. Ее погубил предательский государственный переворот Ельцина, который можно было предотвратить без труда. Увы, этого сделано не было...

Интересно проследить, как проводились поиски совершенствования капиталистической системы, происходило движение в сторону ее реформирования в странах Запада. Под влиянием социалистических стран там существенно возросла роль социальных компонентов. Во многих западных странах благополучно сосуществовали отдельные черты социализма и капитализма. Это признавал даже такой

видный немецкий государственный деятель, как Франц Йозеф Штраус, посетивший Москву в декабре 1987 года. В беседе с М. Горбачевым он сказал: «Капитализму присущи отдельные элементы социализма, причем порой в гораздо более развитой форме, чем в социалистических странах. Основная разница заключается в частной собственности на орудия и средства производства. Но и здесь история еще примет свое решение»¹³.

На Западе опубликовано большое количество книг с критикой современного капитализма, социальных и других его пороков. Многие авторы пишут о грядущем закате капитализма, если он не будет радикально реформирован. К ним принадлежит даже такой видный немецкий политический деятель, как Норберт Блюм, издавший книгу под красноречивым названием «Справедливость. Критика homo economicus»¹⁴. В Германии в 1976 году был разработан проект «социализации» предприятий¹⁵. Немецкий социолог профессор Лотар Боссле попытался обосновать «синтетическое» общественное устройство, основанное на «экономическом гуманизме»¹⁶.

Одна из блестящих журналисток и публицисток ФРГ, последовательная защитница нравственности, морали, справедливости и подлинной, а не показушной демократии, графиня Марион Денхофф писала, что если «безбрежная рыночная экономика и свобода без всяких ограничений» продолжатся, то «капитализм погиб-

¹³ См. «Михаил Горбачев и германский вопрос». С. 67.

¹⁴ См. **N. Blum**. Gerechtigkeit. Kritik an homo oeconomicus. Hamburg, 2004.

¹⁵ См. «Sozialisierung von Unternehmen. Bedingungen und Begründungen». G. Winter (Hrsg.). Frankfurt am Main; Köln, 1976.

¹⁶ См. **L. Bossle**. Vom Sozialismus zum Ökonomischen Humanismus. München, 1984.

нет так же, как марксизм». По ее мнению, погоня за наживой неизбежно вытесняет духовность и подлинную культуру. «Наша эпоха, — отмечала она, — не имеет никаких духовных предпосылок. Были две идеологии, к тому же их еще извратили: консервативную — Гитлер, доведя до абсурда все ценности правых, а идеологию левых — брутализация социализма Сталиным. В результате осталась одна идеология рыночной экономики»¹⁷.

Такая идеология и основанная на ней практика предполагают, как правило, нарушение и несоблюдение моральных устоев общества и норм нравственности. Эти нормы включают в себя в простейшем выражении ненанесение ущерба: а) собственному моральному авторитету, своей совести, чести и достоинству; б) интересам своих ближних; в) интересам своего народа; г) интересам других народов; г) окружающей природной среде.

Нетрудно заметить, как эти нормы на каждом шагу нарушаются в обществе, где существует «диктатура наживы». Соблюдение нравственности в обществе находится в прямой зависимости от социально-политического характера строя и власти. В советском обществе «погоня за деньгой» не являлась смыслом жизни. Деньги, нажива не играли определяющей роли в развитии общества — как это имеет место в современной России. Тогда на переднем плане стояли общественные интересы, духовные ценности, пусть даже сильно идеологизирован-

ные. Это определяло общественную мораль.

Неуверенность в будущем капитализма побудила многих ученых и политиков на Западе заметно усилить поиски «третьего пути» развития современного общества. При этом выражалось мнение, что не может быть какой-либо унификации или единообразия этого пути. Один из представителей этого течения — Вернер Пергер отмечал: «Из старого противо-

В советском обществе деньги, нажива не играли определяющей роли в развитии общества — как это имеет место в современной России. На переднем плане стояли общественные интересы, духовные ценности, пусть даже сильно идеологизированные. Это определяло общественную мораль.

речия между рыночно-консервативной и государственно-социалистической идеологией и политикой нет одного единственного выхода. Существуют много третьих путей подобно тому, как имеются различные типы рынков, социально-государственных и ориентированных на ренту систем и уж тем более правительств...»¹⁸.

Вывод о том, что развитие рода человеческого носит конвергентный

¹⁷ М. Г. Денхофф. Границы свободы. М., 2001. С. 229, 47.

¹⁸ W. A. Perger. Der Dritte Weg. Europas Linke sucht nach der groben Botschaft. Auch rechts. — «Die Zeit». 11.03.1999. См. также: «European Social Democracy: Transformation in Progress». R. Cuperus, J. Kandel (Hrsg.). Amsterdam, 1998; A. Giddens. Der Dritte Weg. Die Erneuerung der sozialen Demokratie. Berlin, 1999 и др.

характер, обосновали в своих трудах такие международные авторитеты в области социологии и экономики, как Вальтер Ойкен, Питирим Сорокин, Джон Гэлбрейт, Ян Тинберген, Пьер Тейяр де Шарден, Джозеф Стиглиц и др. Приверженцами теории конвергенции были и многие наши соотечественники — философ Николай Бердяев, академик Андрей Сахаров и др. Еще летом 1968 года, во время «Пражской весны», Сахаров опубликовал за рубежом (в Советском Союзе это было невозможно) свой первый концептуальный труд «Мысли о прогрессе, мирном сосуществовании и духовной свободе». Он дал блестящий анализ пороков советской системы, ущербности глобального политического порядка, основанного на равновесии ядерного страха и тающего в себе угрозу планетарной катастрофы. Будущее человечества он видел в грядущей конвергенции двух социально-экономических систем, в ходе которой исчезли бы причины и источники их смертельной враждебности. Сахаров призывал к реформированию обеих систем в ходе их мирного соревнования и обмена позитивным опытом¹⁹.

Н. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), в частности, писал: «...понимание хозяйственной жизни как социального служения... не означает признания государства единственным хозяйственным субъектом. Бесспорно, часть промышленности, наиболее крупной, должна перейти к государству, но наряду с этим хозяйственным субъектом должна быть признана кооперация людей, трудовой синдикат и отдельный человек, поставленный организацией общества в условия, исключающие эксплуатацию своих

ближних. Государство при этом будет иметь контрольные функции, призванные не допустить угнетения человека человеком»²⁰.

Бердяев выступал за гуманизацию советского общества, за создание такой общественной системы, которая обеспечивала бы симбиоз свободы личности и просвещенной государственной политики. Из его философии напрашивался вывод о необходимости для России третьего пути развития. Сорокин, Тинберген и Гэлбрейт также рассматривали возможности конвергенции капитализма и социализма. Они считали, что, невзирая на наличие в мире сильно отличающихся экономических и политических систем, тенденции экономического, социального и структурного развития индустриального общества неизбежно порождают условия для сближения (конвергенции) планового и рыночного хозяйств. Следовательно, нет и не может быть непреодолимых барьеров между двумя системами.

Более того, в мире уже существуют реально действующие смешанные или полусмешанные системы, где наблюдается симбиоз плановых и рыночных начал в экономике, как, например, в ФРГ, Швеции, Норвегии и других западноевропейских странах. У этих стран можно было бы позаимствовать многие положительные черты, свойственные их государственному и общественному устройству. В этом контексте следует выделить высокоорганизованное гражданское общество, верховную роль парламента в проведении внутренней и внешней политики, строгое ограничение пребывания представителей верховной власти на государственных постах, невозможность узурпации власти одним

¹⁹ См. А. Sacharow. Mein Leben. München; Zürich, 1991.

²⁰ Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1998. С. 152.

лицом или группой лиц, равноправие частной, государственной и общественной собственности, обеспечение на деле прав, свобод и достоинства личности, свободу слова и печати, господство правовой системы, независимость судов, роль среднего класса как основы экономического развития и опоры демократии, культивирование равенства граждан и пр.

Насколько же правомерна, оправдана и соответствует российским реалиям и национальным интересам модель навязанного нам в 1992 году капиталистического развития в духе «Вашингтонского консенсуса», то есть по американскому образцу? И можно ли ее считать легитимной, выгодной для страны и оставлять в неизменном виде? Не разумнее ли было бы постепенно, без социальных потрясений вернуться ко многим сданным нашими неолибералами в архив положительным чертам существовавшей у нас системы? Например, к народной собственности, бесплатному здравоохранению и образованию, финансированию из государственного бюджета науки, культуры и искусства, к надежной социальной и медицинской защищенности граждан, выполнению государством крупных национальных проектов — строительству дорог, полной газификации страны, крупномасштабному развитию ядерной и прочей энергетики, другим социально-экономическим проектам, непосильным для частного капитала.

Путем разумной политики дифференцированного, прогрессивного налогообложения следовало бы вернуть в общественную собственность природные ресурсы страны, чтобы государство могло эффективно использовать их (как это делается, например, в Норвегии) для ускоренной модернизации народного хозяйства, технического прогресса, радикального повышения жизненного уровня

и увеличения покупательной способности населения — одного из важнейших условий развития производства. Наконец, необходимо восстановить в своих правах мораль, нравственность, духовность, обязанности и ответственность политиков и граждан перед обществом и природой, перед собственной совестью.

Каковы же могут быть характерные черты конвергентного социального общества? Как мне представляется, в первую очередь таковыми должны являться:

— общественная собственность на средства производства, недра и землю, которые могут отдаваться государством в длительную аренду или концессию отдельным обществам, организациям, кооперативам;

— политическая система, основанная на реальном разделении властей, обеспечивающая строгое соблюдение закона, исключая политический и экономический произвол со стороны одной личности или группы лиц, облеченных государственной властью;

— демократический, независимый от власти и стоящий над ней парламентаризм, основанный на трех- или четырехпартийной системе, дающий возможность партии, получившей большинство голосов на свободных выборах, сформировать правительство и осуществлять ограниченное пятью-шестью годами правление в соответствии с волей и мандатом народа;

— президент России, избираемый народом на один пятилетний срок без повторного избрания и выполняющий не исполнительные, а представительские государственные функции, что должно дать гарантии стране, учитывая ее печальный исторический опыт, от произвола. Россия

должна навсегда покончить с пагубной традицией в ее жизни — тоталитарным и авторитарным характером власти. Она совершенно несовместима с гражданским обществом и ведет к социальному банкротству;

— сильная и располагающая крупными ресурсами правительственная власть, подотчетная парламенту и сменяемая каждые пять лет. Она должна выполнять регулирующую роль в экономике и в общественных процессах, обеспечивать необходимые условия для осуществления прав, свобод личности, ее обязанностей и ответственности перед обществом, эффективное функционирование социально ориентированного рыночного хозяйства. Одно лицо не может занимать больше одного срока пост председателя правительства. Недопустимо создание семейственности и клановости в руководящих органах страны, как это имеет место в современной России;

— контроль общественных организаций за соблюдением норм морали, нравственности и ответственности граждан страны во всех сферах жизнедеятельности общества;

— общественная пресса и телевидение, служащие интересам общества, а не отдельных частных лиц или групп, способных манипулировать общественным мнением и превращать средства массовой информации в «оружие массового поражения» общественного сознания;

— высокое благосостояние граждан как важнейшее условие наличия платежеспособного спроса и большой емкости рынка, стимулирующих развитие производства и научно-технический прогресс, дающих большие налоговые поступления в государственную казну;

— среднее сословие (средние предприниматели, инженеры, преподаватели высших и средних учеб-

ных заведений, научные работники, деятели культуры и искусства, госслужащие и пр.) как основа процветания общества, мотор его экономического развития и опора демократии;

— исключение из жизни общества посредством правового и государственного регулирования (например, дифференцированным налогообложением, ограничением до разумного минимума долевого участия в капитале акционерных обществ и т. д.) опасной концентрации финансовых средств и собственности в руках отдельных лиц и образования финансовой олигархии, способной навязывать правительству и обществу свои корыстные цели, чуждые национальным интересам страны;

— полная национализация банков, чтобы исключить из их деятельности спекулятивные махинации с целью получения капиталистических прибылей и привязать их к созданию реальных ценностей, к нуждам развития народного хозяйства;

— использование природных ресурсов и природной ренты, находящихся исключительно в общественной собственности, в интересах всего общества, а не кучки финансовых воротил;

— максимально возможное развитие самоуправления на местах, не нарушающего верховенства центральной власти и не ставящего под угрозу целостность государства;

— государственно-общественный, а не рыночный механизм финансирования здравоохранения, науки, образования, культуры, искусства;

— прозрачность процессов в политике, экономике и в кадровых назначениях;

— исключение мессианской экспансии и гегемонизма из внешней политики, которые явились в прошлом одной из важнейших причин резкого

ослабления Советского Союза и его падения.

Возникает вопрос: каким должен быть механизм, образ действий для создания такой конвергентной политической и социально-экономической системы? Возможен ли здесь новый переворот, верхушечная революция, экспроприация? Полагаю, что нет — ведь наша страна сполна натерпелась от этих явлений в XX веке. На мой взгляд, преобразования вполне могут произойти без новых социальных потрясений, эволюционным путем.

Обратимся в поисках ответа на этот вопрос к зарубежному опыту. В 1974 году в США произошло, казалось бы, совершенно невероятное событие: более 10 тысяч предприятий с общим числом занятых в 11 миллионов человек (десятая часть всей рабочей силы) перешли полностью или частично в собственность занятых на производстве работников. Незадолго до этого был принят федеральный закон о создании предприятий, находящихся в собственности работников—обладателей акций ESOP (Employee Stock Ownership Plan). Ими были охвачены почти все секторы американской экономики. Они представляли собой как крупные акционерные компании открытого типа, насчитывавшие несколько тысяч работников, так и небольшие компании закрытого типа с числом работников от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Законом предусматривалось, что для выкупа предприятий у частных владельцев коллектив работников обладал правом получения кредитов от государства с обязательством возвращения их из будущих доходов.

Практика показывает, что такие предприятия систематически тесни-

ли своих конкурентов — традиционные частные компании. Например, с 1992-го по 1995 год стоимость акций коллективных предприятий возросла на 84 процента, в то время как стоимость акций частных компаний увеличилась на 53 процента²¹. Так практика продемонстрировала, что коллективный собственник может быть намного эффективнее индивидуального. Это был шаг в сторону социализации в духе теории конвергенции. Хотя изначально цель состояла в том, чтобы созданием «народного капитализма» укрепить американскую систему.

Примерно на этих же принципах была основана деятельность сельскохозяйственных кооперативов в Венгрии в 1980-х годах. В отличие от советских совхозов и колхозов, они обладали полной самостоятельностью и независимостью от государственного плана экономического развития, сами планировали и налаживали свои производство и сбыт через объединенные сбытовые товарищества. В результате в Венгрии, в буквальном смысле слова, произошла «зеленая революция». Ее конкуренции в производстве сельскохозяйственных продуктов опасалось руководство тогдашнего Европейского экономического сообщества. На экспорт многих видов венгерского продовольствия в Западную Европу был наложен запрет. Венгерские крестьяне имели очень высокий жизненный уровень. Высоким был уровень их социальной удовлетворенности. После ликвидации социалистического строя в Венгрии сельскохозяйственные товарищества были рас-

²¹ См. Д. Лоуг. Собственность работников в условиях рыночной экономики: уроки американского опыта. — «Преобразование российских предприятий: от государственного контроля к собственности работников». Под ред. Д. Лоуга, С. Плеханова, Д. Симмонза. Вестпорт, 1999. С. 211—228.

пущены, что нанесло серьезный удар по венгерскому сельскому хозяйству и продовольственному положению в стране.

Во время перестройки в Советском Союзе тоже предпринимались попытки создания предприятий, находящихся в собственности их работников. Но над ними не был установлен государственный и общественный контроль. В результате их коллективы стали произвольно, без учета доходов, повышать зарплату и снижать производство. В итоге хорошая идея, применение которой позволило бы предотвратить криминальную

Экономическая и политическая модель общественного устройства ФРГ установила разумное соотношение между ролью государства и свободной игрой рыночных сил. Стихия рынка ограничивается государством там, где возникает угроза для социальной справедливости и социальной безопасности и стабильности. Государственному регулированию подлежит справедливое распределение доходов и собственности с учетом интересов групп населения, не участвующих в хозяйственной жизни или социально слабо обеспеченных. Это достигается функционирующей

с немецкой точностью и основательностью системой прогрессивного налога на доходы и собственность, предоставления социальной помощи, пособий по безработице, дотаций на детей, платы за обучение и проживание.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона мы читаем: «Экономическая модель социального рыночного хозяйства находится между двумя крайно-

Западноевропейская экономическая модель с ее социальной направленностью, во многом заимствованной из арсенала социалистических идей и христианского вероучения, в значительной мере смягчает холодную жестокость американской системы.

олигархическую приватизацию «по Чубайсу» и насытить рынок разнообразной продукцией, была дискредитирована.

Следует упомянуть также и об опыте развития Норвегии и Швеции, в социально-экономической структуре которых имеется очень много элементов социализма в самом лучшем смысле этого понятия. Приоритетное значение они придают принципам социальной справедливости, высокому жизненному уровню и качеству жизни своих граждан. У них есть чему поучиться российской политической элите.

стями — рыночным хозяйством, основанным на принципе индивидуализма, и плановой экономикой, основанной на принципе коллективизма». К первой «крайности» относится социально-экономическая модель, господствующая в США на принципах неолиберализма и «саморегулирующегося рынка». Она больше всего подвержена неотвратимости глубоких экономических кризисов и катаклизмов, способных потрясти как американское общество, так и все здание мировой экономики. При этой системе человек действительно имеет «равные воз-

возможности» для своего обогащения, выживания или превращения в нищего. И горе тому, кто в силу различных причин не сумеет воспользоваться этими возможностями для своего утверждения в жизни. Он испытает на себе гибельную отчужденность от него общества и государства. В сущности, в такой системе царят «диктатура наживы» и «закон джунглей»²²: побеждает, выживает и господствует более сильный, изворотливый, ловкий, хитрый и зачастую не брезгующий никакими средствами в погоне за наживой и в борьбе за существование или самоутверждение. В таких условиях происходит селекция правящей элиты США.

Западноевропейская экономическая модель с ее социальной направленностью, во многом заимствованной из арсенала социалистических идей и христианского вероучения, в значительной мере смягчает холодную жестокость американской системы. В большинстве западноевропейских стран возобладал капитализм «с человеческим лицом», открытый для дальнейшего совершенствования и гуманизации.

Оглядываясь назад, можно сказать, что громадные возможности трансформации советской системы в демократическое, процветающее, конвергентное общество были далеко не исчерпаны в трагически оборвавшееся перестроечное время. Именно тогда появились первые зачатки передачи государственной собственности в аренду индивидуальным и коллективным собственникам. Ельцинский переворот оборвал дальнейшее развитие Советского Союза по пути создания конвер-

гентной общественной системы. Но, как отмечается в посвященном этому периоду исследовании, «перестройка навсегда вписана в историю как смелая попытка решительного перехода от модели “государственно-бюрократического социализма” к подлинно демократическому, справедливому и гуманному социальному устройству. Этот ее потенциал еще далеко не исчерпан, он может быть востребован и нашей страной и человечеством». Верно сказано, что «идея социальной справедливости — ванька-встанька мировой истории — еще зазвучит в России в полный голос»²³.

На российской политической, экономической и научной элите, которой дороги интересы и благоденствие России и ее народа, лежат исключительно важная историческая миссия и громадная историческая ответственность — вернуть страну на путь здорового политического и экономического развития. Либерально-монетаристская модель нанесла России громадный ущерб и не принята российским обществом, хотя ее приверженцы все еще определяют политический и экономический курс страны. Применение этой модели вылилось, в частности, в то, что государственный бюджет России оказался равен бюджету города Нью-Йорка или бюджету секретных служб США.

В. И. Фартышев еще в 2005 году замечал: «Остается последний шанс остановить разграбление страны, превращение ее в сырьевой придаток Запада. Начать, наконец, проводить самостоятельную, независимую ни от “семьи”, ни от олигархов, ни от США политику. Остановить деградацию нации. Вернуть России былой авторитет на мировой арене, вернуть пусть не

²² См. V. Forrester. Une étrange dictature. Paris, 2000.

²³ «Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. Критический анализ». М., 2005. С. 414.

друзей и союзников, каких сегодня у России просто нет, но хотя бы надежных партнеров»²⁴.

К сожалению, большинство из этих задач и по сей день остаются актуальными. Выходу из кризисного положения России может содействовать создание конвергентного социального общества, которое вобрало бы в себя наилучшие национальные и социальные, особенно

социалистические, черты прошлого развития России (Советского Союза) и современной западной социальной системы. Это отвечало бы национальным интересам страны, укреплению ее безопасности, ее социальному и экономическому прогрессу. Программа развития по «третьему пути» безусловно нашла бы широкую поддержку у подавляющего большинства российского народа, создала бы в стране социальную удовлетворенность и уверенность в будущем. ◆

²⁴ **В. И. Фартышев.** Последний шанс Путина. Судьба России в XXI веке. М., 2005. С. 476.